

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.2

Original article

ЯНИ Павел Сергеевич
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: pavel_yani@rambler.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4585-8679>

YANI Pavel Sergeevich
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

О ВЛАДИМИРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ КОМИССАРОВЕ (К 70-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

ABOUT VLADIMIR SERGEYEVICH COMMISSAROV (IN HONOR OF THE 70TH
ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST)

Аннотация. В статье, посвященной 70-летию заведующего кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, председателя Российского конгресса уголовного права В.С. Комиссарова, раскрывается его роль создателя формальных и неформальных объединений ученых-криминалистов в целях установления и укрепления сложной системы научных и личных коммуникаций представителей уголовно-правовой науки. Анализируются взгляды этого видного теоретика уголовного права на разрабатываемый им институт соучастия в преступлении.

Ключевые слова: уголовное право, Российский конгресс уголовного права, взаимозависимость науки и практики, соучастие в преступлении, провокационно-подстрекательская деятельность

Для цитирования: Яни П.С. О Владимире Сергеевиче Комиссарове (к 70-летию ученого) / П.С. Яни. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 15–21

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of Professor V.S. Komissarov, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Chairman of the Russian Criminal Law Congress. The article reveals his role as a creator of formal and informal associations of criminal scientists to establish and strengthen the complex system of scientific and personal communications of representatives of criminal law science. The article analyzes the views of this prominent theorist of criminal law on the institute of complicity in crime developed by him.

Keywords: criminal law, Russian Criminal Law Congress, interdependence of science and practice, complicity in crime, provocation and incitement activities

For citation: Yani P.S. About Vladimir Sergeyevich Komissarov (in honor of the 70th anniversary of the scientist). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 15–21 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.2.

И. Известный большинству специалистов в области уголовного права как председатель Российского конгресса уголовного права, его вдохновитель и устроитель, а многим ученым-криминалистам – как председатель секции уголовного права и криминологии Учебно-методического объединения (УМО) по юридическому образованию вузов России и организатор ежегодных выездных заседаний секции, охвативших множество региональных научных центров России, Владимир Сергеевич был создателем еще одного, совсем небольшого объединения, собравшего полтора десятка ярко заявлявших о себе в уголовно-правовой среде ученых, так или иначе (часто – ретроспективно: окончили наш вуз, учились в аспирантуре) связанных с юридическим факультетом МГУ или особенно активно сотрудничавших с возглавляемой им секцией УМО.

Образованный его энергией в конце 1990-х «профессорский клуб», как мы его в шутку называли, проявлял себя веселыми московскими собраниями, в том числе завершавшими ежегодный Конгресс, постоянным обсуждением разнообразных проблем, научных и всяких, и даже изданием воспоминаний об учителях [1]¹. И все это развивалось до того времени, пока ухудшающееся здоровье больше не позволило Владимиру Сергеевичу выступать в роли инициатора нашей коллаборации. А среди нас того, кто стал бы в этом его преемником, подхватил бы, так сказать, зная, увы, не нашлось. Тем не менее значимость нашего многолетнего товарищества под его водительством оказалась весьма велика, и вот почему.

Создавая личными усилиями для перманентного общения очень нужные тогда – и ему, и всем нам – формальные и неформальные группы ученых, В.С. Комиссаров сыграл огромную роль в установлении и укреплении сложной системы научных и личных коммуникаций представителей уголовно-правовой науки, и переоценить эту роль нельзя!

Сейчас уже трудно представить себе, что профессора, десятилетиями «выращивавшие» на одном «поле» наш научный «агропродукт», за всю свою подчас долгую жизнь – причем

¹ В сборнике «Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека» статья В.С. Комиссаров посвящена Г.А. Кригеру, моя статья «О личности ученого» – Н.Ф. Кузнецовой и, по сути, написана при ее непосредственном участии.

даже в столице! – могли не состоять в хотя бы самом поверхностном знакомстве, которое позволяло бы при необходимости выйти друг с другом, как говорят, на контакт. И в прежние, «доконгрессные», времена вполне могло так случиться, что представители уголовно-правовой науки, работавшие в разных – например, ведомственных и, так сказать, гражданских вузах или научных институтах – могли никогда не то чтобы не встречаться, но, будучи участниками конференций, научных советов и т. п., не устанавливать друг с другом более или менее прочные связи.

Характерный случай: когда в 2005 г. Ю.И. Ляпунов² опубликовал в журнале «Уголовное право» статью [2], в которой поддержал Н.Ф. Кузнецову³ в одной из главных ее научных идей о том, что «понимание состава преступления лишь как модели, законодательного описания преступления стирает различие между составом преступления и диспозицией уголовно-правовой нормы и низводит его только до значения юридического признака преступления – противоправности» [3, с. 23], Нинель Федоровна попросила меня как главреда издания, тесно общающегося с авторами, особенно нашими «стариками», связать – по сути, познакомить – ее с Юрием Игнатьевичем, чтобы выразить ему свою благодарность. То есть «монбланы отечественной юриспруденции» не были настолько знакомы, чтобы поговорить без такого вот посредничества! И это несмотря на то, что они должны были периодически «пересекаться» на разных мероприятиях, например, на заседаниях уголовно-правовой секции Научно-консультативного совета при Верховном Суде России, в которую оба долгие годы входили⁴.

А что означало отсутствие широких и крепких лично-научных связей? Обеднение научного диспута, когда для участия в конференциях

² Профессор Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

³ Заведующая кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР в области науки, заслуженный деятель науки РСФСР.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.05.1996 № 3 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/7760/> (дата обращения: 11.08.2023).

и круглых столах, в качестве рецензентов монографий и оппонентов по диссертациям приглашались специалисты вузов и научных институтов преимущественно своего круга.

Очевидно, что подвижническая деятельность В.С. Комиссарова стала мощным тараном, разрушающим барьеры, непредумышленно, но оттого не менее прочно воздвигаемые ведомственной, региональной, возрастной и прочей разобщенностью ученых-криминалистов. Благодаря постоянным нашим «тусовкам»⁵: Конгрессу, заседаниям секции УМО, «профессорскому клубу», – в многолетнее существование которых В.С. Комиссаров вложил свой огромный организаторский талант, мы, теперь сами становящиеся или ставшие академическими «стариками», легко находим возможность обратиться в рамках научного общения практически к любому коллеге, подвизающемуся на ниве уголовно-правовой юриспруденции.

II. Хотя наши академические интересы находились на достаточной дистанции, все же мы получали удовольствие от общей работы над научными проблемами, результатом которой стало несколько подготовленных в соавторстве статей. Упомяну две из них.

1. Несмотря на то что наш с Владимиром Сергеевичем путь в юридической профессии во многом не совпадал (он сразу начал работать преподавателем в вузе, я же почти полтора десятка лет занимался прокурорско-следственной практикой, а потом работал в системе повышения квалификации судей и прокуроров), с годами наши взгляды на многие вещи, так сказать, синхронизировались: он признавал значимость прикладных исследований, способных вслед за практикой поверить критерием практической же достоверности как нормативные конструкции, так и их интерпретацию ученым миром, я же, постоянно решая поставленные правоприменителями нескончаемые квалификационные задачи, во все большей степени отдавал дань уважения кабинетным изысканиям ученых-академиков, если, конечно, они носили действитель-

но глубокий и не игнорирующий нужды правоприменения характер.

Все большее совпадение наших представлений об актуальных направлениях научного поиска закономерно привело к выступлению в жанре совместного отзыва. В частности, мы выступили рецензентами книги «Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование» (2005) одного из самых крупных отечественных правоведов – А.В. Наумова⁶. Предваряя самую высокую оценку работы, основной своей задачей мы продекларировали анализ отражения в работе взаимозависимости науки уголовного права и правоприменительной практики.

Воплощала наше общее с В.С. Комиссаровым восприятие идей Анатолия Валентиновича поддержка автора в том, что «утверждение об ограничении перечня источников только Уголовным кодексом, как это вроде бы следует из ст. 1 и др. УК, по сути, лукавство, поскольку такое утверждение совершенно игнорирует тот факт, что «уголовный закон наполняется реальным содержанием только через судебную практику по конкретным делам, каждое новое судебное решение может расширять или, наоборот, сужать представление правоприменителя о содержании уголовно-правовой нормы, соответственно, расширяя и сужая возможности реального поведения субъекта преступления, адекватного его отражению к букве уголовного закона» [4, с. 43].

В той почти двадцатилетней давности рецензии мы писали, что наша с В.С. Комиссаровым «практика обучения студентов, слушателей судебных и прокурорских курсов повышения квалификации, рецензирование многочисленных научных трудов, анализ решений судебных и следственных органов и постоянное консультирование правоприменителей и адвокатов позволяют утверждать, что между теорией уголовного права и практикой применения уголовного закона образуется еще, увы, не осознаваемый всеми криминалистами, но все более заметный разрыв. Различается, и порой существенно, понимание теорией и практикой буквально всех уголов-

⁵ Конечно, ту же важную объединяющую роль играют и другие крупные научные форумы, например, ежегодная январская конференция и другие научные мероприятия МГЮУ им. О.Е. Кутафина, осенняя конференция, организуемая СГЮА, февральская, которую проводит УГЮУ им. В.Ф. Яковлева.

⁶ Главный научный сотрудник Университета прокуратуры, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

но-правовых институтов Общей части: множественности, соучастия, неоконченного преступления, вины, освобождения от уголовной ответственности и наказания, не говоря уже об Особенной части УК» [4, с. 42].

Труды же, подобные рецензируемому, помимо своей научной ценности, выступали, как было нами отмечено, важным средством сужения краев обнаруженного нами разрыва. Увы, скажу сейчас, такого рода работ немного, и разрыв неуклонно превращается в расширяющуюся расщелину, следствием чего становится повсеместный уход правоприменителя от строгого толкования нормативного текста в область телеологической интерпретации, то есть понимания закона исходя из его смысла. Который, естественно, практиками зачастую оценивается по-разному.

2. Еще одной совместной работой стала статья, в которой нам было важно показать, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, могут предусматриваться не только не уголовным законом, но и вообще не законом⁷. Речь шла о провокационно-подстрекательской деятельности, установление которой исключало, с позиций высшего судебного органа, выраженной в практике по делам о взяточничестве и наркосбыте, привлечение к уголовной ответственности лица, деяние которого «выявлялось» путем «европейской провокации»⁸, ввиду отсутствия в содеянном состава преступления.

Мы пришли к выводу, что, если должностное лицо получает, по его представлению, незаконное вознаграждение за действия (бездействие) по службе, но принятие им такого вознаграждения происходит в процессе проводимых в отношении него оперативно-розыскных мероприятий не по инициативе должностного лица либо хотя формально и по его предложению, но в условиях, искусственно созданных, смоделированных сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, когда ничего не предполагало, что деяние было бы совершено без их вмешательства, ука-

занные действия сотрудников правоохранительных органов являются, согласно единой позиции ЕСПЧ, Верховного Суда РФ и Генеральной прокуратуры РФ, провокационными по сути, а потому исключают уголовную ответственность спровоцированного, склоненного к совершению соответствующего деяния должностного лица за получение взятки. Благодаря решениям ЕСПЧ, воспринятым высшим судебным органом России, заключили мы, провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась [5, с. 8]. Через три года это положение было закреплено в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

III. Однако наши взгляды на решение некоторых важных уголовно-правовых проблем расходились. И немудрено, поскольку, долгие годы разрабатывая вопросы соучастия, ученый не мог не затрагивать наиболее сложные и, как следствие, не имеющие однозначного решения проблемы толкования и применения норм этого института.

Так, решая частные вопросы уголовно-правовой оценки посягательств на жизнь общего и специального субъекта – потерпевшего, В.С. Комиссаров рассматривал тот случай, когда «П. и Ф., будучи соисполнителями, совершают убийство государственного деятеля С. При этом П. руководствуется мстостью на почве личных отношений, а Ф. – мстостью С. за осуществление государственной деятельности. Несмотря на то что П. посягал на жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны, а Ф. – на отношения, образующие основы конституционного строя и безопасности государства, оба они соучаствовали в одном преступлении – убийстве. При этом действия П. будут квалифицироваться по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК как совершенные группой лиц по предварительному сговору, а действия Ф. – по ст. 277 УК» [6, с. 395; 7].

Высказанная В.С. Комиссаровым идея вменения в рамках состава убийства группово-

⁷ Эти обстоятельства предусмотрены в ст. 7 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

⁸ Радикально отличающейся от той, что описана в ст. 304 УК РФ.

го способа довольно привлекательна, однако нельзя не сказать, что она находится в противоречии с разделяемым им положением о том, что «соисполнительство означает, что два или более лица непосредственно выполняют объективную сторону преступления» [6, с. 405; 7].

Или, отрицая включение в состав группы лиц, совершающей преступление по предварительному сговору, соучастников, не являющихся соисполнителями, и придерживаясь традиционного представления о содержании ч. 4 ст. 34 УК РФ, согласно которому в соучастии со специальным субъектом иное лицо, не отвечающее признакам специального субъекта, по общему правилу, не может быть ни исполнителем, ни соисполнителем. Содеянное им требует обязательной ссылки на ст. 33 УК (организатор, подстрекатель, пособник) [6, с. 446; 7], исследователь в то же время полагал, что «при совершении, например, убийства матерью новорожденного ребенка ... группой лиц по предварительному сговору автоматически начинает работать положение п. «в» ч. 1 ст. 63 УК, предусматривающее в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» [7].

Представляется, однако, что, поскольку к уголовной ответственности, упоминаемой в ч. 4 ст. 34 УК РФ, относится не только уголовно-правовая оценка, но и назначенное виновному наказание, любое содействие матери в убийстве новорожденного нельзя квалифицировать как групповое преступление, применяя названный пункт ст. 63 УК РФ.

В завершении же расскажу о нескольких спорах, где моя позиция оказалась проигрышной, во всяком случае, исходя из практики высшего судебного органа.

1. Раскрывая понятие непосредственного участия в совершении преступления как соисполнительства (ч. 2 ст. 35 УК РФ), В.С. Комиссаров писал, что такое участие «может быть связано не только с выполнением каждым соучастником однородных действий, образующих объективную сторону преступления (например, нанесение ударов при причинении вреда здоровью), но и с оказанием помощи исполнителю в момент совершения им действий. Если А. взламывает дверь, **Б. в это время стоит на страже** (выделено мной. – П. Я.), а С. проникает в квартиру и изымает имуще-

ство (техническое разделение ролей в рамках объективной стороны кражи), то все они являются соисполнителями» [6, с. 406; 7].

Однако стоящее на страже лицо, которое, как описывает его деяние Пленум Верховного Суда РФ, само не проникало в жилище, но подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления, не выполняет, как мне представляется, объективную сторону хищения, а потому не участвует в совершении преступления непосредственно. Такое лицо действительно участвует в совершении преступления, однако его участие вполне соответствует тому, что закон определяет как содействие совершению преступления предоставлением информации, когда это лицо самим фактом своего молчания (не кричит, не звонит по телефону, не посылает иным способом условленный сигнал) информирует соучастника, непосредственно изымающего имущество, о том, что ему, исполнителю, ничего не угрожает и он может продолжать реализовывать совместный преступный умысел на завладение чужим имуществом. Это пособничество в хищении, а не соисполнительство. Наличие при такой подстраховке единственного исполнителя исключает вменение совершения преступления группой лиц по предварительному сговору.

Вместе с тем Верховный Суд РФ занимает позицию⁹, правильность которой отстаивал Владимир Сергеевич.

2. О квалификации действий подстрекателя В.С. Комиссаров писал: «Цели, преследуемые подстрекателем, могут не совпадать с теми целями преступления, которые он внушает подстрекаемому. Могут не совпадать и мотивы преступления... Если мотив или цель являются обязательными элементами состава преступления, то подстрекавшему лицу вменяется в ответственность и его собственная мотивация. Например, если подстрекатель, исходя из мотивов кровной мести, склонил другое лицо за вознаграждение совершить убийство, то он отвечает по двум признакам ч. 2 ст. 105 УК – п. «з» и «е1», а исполнитель – по п. «з» той же статьи» [6, с. 411–412; 7].

⁹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. П. 10 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 11.08.2023).

Я же приведенный подход не разделяю, поскольку свойством конститутивного либо квалифицирующего признака мотив или цель совершения преступления наделены, только если «окрашивают» действия (бездействие) исполнителя, которые и описаны в норме Особенной части уголовного закона. Соответствующие мотив или цель соучастника учитываются для назначения наказания. Правда, названный в приведенном извлечении из работы ученого мотив кровной мести в ст. 63 УК РФ не указан, однако более распространенный и ставший предметом дискуссии о квалификации в упомянутом ниже деле субъективный признак деяния в виде цели скрыть другое преступление к числу отягчающих наказание обстоятельств отнесен.

Взгляды В.С. Комиссарова поддержаны в одном из практикообразующих решений высшего суда по делу Гамзатова, который организовал убийство своей жены Г. с целью сокрытия ранее совершенного преступления – развратных действий в отношении дочери Г. от первого брака. Президиум Верховного Суда РФ признал правильным вменение цели сокрытия другого преступления Гамзатову как организатору убийства, несмотря на то что исполнитель М. не был осведомлен о его, организатора, действительных мотивах и исходил из того, что Гамзатов хочет отомстить Г. за измену, почему действия М. квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ¹⁰. Моя позиция, содержащая критику данного решения, изложена в статье о мотиве соучастника [8].

3. В.С. Комиссаров, как и многие исследователи, полагал ненужным отражать в квалификации соучастие лица в совершении преступления, если попытка этого лица склонить другое лицо к совершению преступления оказалась неудачной. Часть 5 ст. 34 УК РФ он толковал так: «Покушение исполнителя на преступление влечет за собой такую же оценку действий подстрекателя, как покушение, несмотря на то что свои

действия он может полностью выполнить. В некоторых случаях действия подстрекателя по склонению кого-либо к совершению преступления в силу разных причин, но по независящим от него обстоятельствам оказываются безуспешными. Такое неудавшееся подстрекательство (покушение на подстрекательство) в уголовном праве рассматривается как создание условий для совершения преступления и поэтому квалифицируется как приготовление к преступлению (ч. 5 ст. 34 УК)» [6, с. 412; 7].

По моим же представлениям, помещение законодателем соответствующего правила квалификации в главу о соучастии, а не об оконченном преступлении, говорит о необходимости вменения лицу норм этой главы. В частности, если первое лицо склоняло второе к совершению преступления, намереваясь стать подстрекателем второго лица, совершившего оконченное преступное деяние, то отказ второго лица от следования призывам первого требует квалификации действий первого лица не просто как приготовления к преступлению, которое отказалось совершать второе лицо, а как приготовления к подстрекательству к преступлению. Не будь прямого запрета вменять в данном случае покушение, я бы утверждал¹¹, что содеянное образует покушение на подстрекательство, исходя из того, что оконченным подстрекательством может быть признано только результативное склонение, то есть такое, которое завершилось как минимум – при всех сложностях доказывания этого факта! – возникновением у подстрекаемого лица решимости совершить преступное деяние. Тем не менее судебная практика преимущественно идет по пути, предложенному в том числе В.С. Комиссаровым [см. об этом подробнее: 9, с. 55–58]

Мы дружили не один десяток лет, до самой смерти Владимира Сергеевича в июле 2017 г. И вот уже больше шести лет Володи нет. 29 марта 2023 г. ему исполнилось бы семьдесят...

¹⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 27П-17 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Показательно, что сам ученый именует неудавшееся подстрекательство также и покушением на подстрекательство.

Список источников

1. Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека : сборник статей / под общ. ред. В.С. Комиссарова. – Москва : Первая образц. тип., 2006. – 176 с.
2. Ляпунов Ю.И. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты / Ю.И. Ляпунов // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 44–48.
3. Кузнецова Н.Ф. Состав преступления: спорные вопросы / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1987. – № 4. – С. 24–29.
4. Комиссаров В.С. Уголовный закон: как соединить теорию с практикой? / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2005. – № 12. – С. 42–43.
5. Комиссаров В.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2010. – № 9. – С. 3–8.
6. Комиссаров В.С. Соучастие в преступлении / В.С. Комиссаров // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 2002. – С. 381–454.
7. Комиссаров В.С. Соучастие в преступлении / В.С. Комиссаров // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др. ; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. – 879 с. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/komissarov_vs_krylova_ne_tiazhkova_im_ugolovnoe_pravo_rossijskoj_federacii/ (дата обращения: 29.07.2023).
8. Яни П.С. Мотив соучастника / П.С. Яни // Законность. – 2019. – № 8. – С. 50–54.
9. Яни П.С. Сложности квалификации неудавшегося соучастия в преступлении / П.С. Яни // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2016. – № 4. – С. 55–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яни Павел Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, главный редактор журнала «Уголовное право».

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yani Pavel Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty, Editor-in-Chief of the journal «Criminal Law».

Статья поступила в редакцию 24.08.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 01.09.2023. The article was submitted 24.08.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

References

1. Komissarov V.S. (ed.). The whole world lives as long as a person's memory lives. Moscow, Pervaya obrazcovaya tipografiya Publ., 2006. 176 p.
2. Lyapunov Yu.I. Composition of the crime: epistemological and socio-legal aspects. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2005, no. 5, pp. 44–48. (In Russian).
3. Kuznetsova N.F. Composition of the crime: controversial issues. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 1987, no. 4, pp. 24–29. (In Russian).
4. Komissarov V.S., Yani P.S. Criminal law: how to combine theory with practice? *Zakonnost' = Legality*, 2005, no. 12, pp. 42–43. (In Russian).
5. Komissarov V.S., Yani P.S. Provocative and inflammatory activity against an official as a circumstance excluding liability for receiving a bribe. *Zakonnost' = Legality*, 2010, no. 9, pp. 3–8. (In Russian).
6. Komissarov V.S. Complicity in crime. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds.). Course of criminal law. Common part. Moscow, Zercalo-M Publ., 2002, vol. 1, pp. 381–454. (In Russian).
7. Komissarov V.S. Complicity in crime. Belokobylsky N.N., Bogush G.I., Borzenkov G.N. et al; Komissarov V.S., Krylova N.E., Tyazhkova I.M. (eds.). Criminal law of the Russian Federation. General part. Moscow, Statut Publ., 2012. 879 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/komissarov_vs_krylova_ne_tiazhkova_im_ugolovnoe_pravo_rossijskoj_federacii/.
8. Yani P.S. Motive of an accomplice. *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 8, pp. 50–54. (In Russian).
9. Yani P.S. Difficulties in qualifying failed complicity in a crime. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury RF = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2016, no. 4, pp. 55–58. (In Russian).